М. Н. ЛОНГИНОВ В 60-х ГОДАХ

Сообщение П. Беркова

В истории русской литературы М. Н. Лонгинов (1823—1875) занимает довольно скромное место, как автор ряда библиографических работ, в частности, не утерявшей значения и сейчас, благодаря обильному материалу, монографии «Новиков и московские мартинисты» (М. 1867), и серии порнографических стихов, изданных автором за границей и затем им самим уничтоженных; но больше всего он известен своей реакционной деятельностью в качестве начальника Главного управления по делам печати (с 1871 по 1875 г.). Начав литературную деятельность в кругу «Современника» в эпоху «щензурного террора» (1848—1854), находясь в приятельских отношениях с Некрасовым и Панаевым, Лонгинов считался долгое время либералом, поддерживая такую репутацию громкими фразами против цензуры и в защиту свободного слова ¹. Однако, по существу Лонгинов всегда был реакционером ²: обстановка классовой борьбы привела к тому, что крепостническая позиция Лонгинова обнаружилась очень скоро и отчетливо, и это обстоятельство закрепило за ним и среди современников и в потомстве вполне основательную репутацию лютейшего обскуранта ⁸.

Есть одна сторона в общественно-литературной позиции Лонгинова, которая заслуживает особого внимания и заставляет вспоминать о нем при изучении классовой борьбы в России в 60-х годах прошлого века. Эта сторона заключается в настойчивом стремлении Лонгинова создать единый фронт дворянско-буржуазных группировок и противопоставить его «общему врагу — нигилизму». Эта тенденция Лонгинова, поддерживаемая своеобразно красноречивой аргументацией, бросает яркий свет на социальную природу русского либерализма и должна быть признана весьма ценной иллюстрацией к положениям, развертываемым в замечательной статье Ленина «Либеральное подкрашивание крепостничества» (Собр. соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 328—329).

Утверждая, что линия размежевания классовых сил шла между крепостнилибералами, c одной стороны, И революционной другой, — Ленин безостаточно разоблачает всякие попытки азных и мелкобуржуазных историков приукрасить и преувеличить значение буржуазного либерализма и тем самым умалить роль революционных разночинцев, и в особенности Чернышевского; последний по словам Ленина, был гораздо более последовательным и боевым демократом, нежели Герцен («...Чернышевский, развивавший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводит ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм») (Собр. соч., изд. 3-е, стр. 342).

Публикуемые ниже материалы как раз и являются особенно показательными в этом отношении, представляя ценные документы, позволяющие говорить с большей определенностью о ряде моментов в истории классовой борьбы 60-х тодов. В особенности важно указание Лонгинова, правда, весьма глухое, на роль «освобождения» крестьян и будто бы связанного с этим обеднения известной части литературное наследство

помещиков, поправения некоторых прежних дворянских либералов, отшатнувшихся вследствие этого в стан крепостников. Печатаемые в настоящем номере «Литературного Наследства» лонгиновские материалы, как видно из выставленных под ними дат, относятся к одному и тому же времени—концу февраля, началу марта 1863 г., т. е. ко времени, предшествующему Польскому восстанию. Помимо хронологической и идеологической связи, между ними имеется непосредственная зависимость следующего порядка.

Проживавший с начала 60-х годов в Москве и связанный по кругу «Современника» приятельскими отношениями с Лонгиновым, А. М. Жемчужников принимал некоторое, не особенно все же активное, участие в делах Московского Общества Любителей Российской Словесности 4, секретарем которого состоял в то времи Лонгинов. 3 марта 1863 г. последний прочитал на 179-м публичном заседании Общества речь «О месте, которое должно занимать ОЛРС в современной литературе» («Общество Любителей Российской Словесности при Московском Университете. 1811—1911. Историческая записка и материалы за сто лет». М. 1911, стр. 112). Но самая речь была написана им или, может быть, только закончена 26 февраля того же года, каковая дата и выставлена в публикуемой ниже рукописи Лонгинова.

Повидимому, Лонгинов в ближайшие дни читал ее предварительно А. М. Жемчужникову, с которым у него возник после чтения статьи спор, на что намекает начало, публикуемого ниже, лонгиновского письма от 1—2 марта. Как бы то ни было А. М. Жемчужников на следующий день (или, может быть, в тот же день) прислал Лонгинову письмо, сохранившееся в архиве последнего в Институте Русской Литературы:

«Уведомляю тебя, любезный друг, что у меня нет ничего готового для прочтения в публичном заседании Общ[ества] Л[юбителей] Р[оссийской] С[ловесности], а потому я и не могу быть у тебя на совещании в пятницу. Домашние обстоятельства, к сожалению, помешали мне присутствовать на бывшем частном заседании нашего общества.

Весь твой А. Жемчужников. 27 февраля» 5.

В ответ на это письмо Лонгинов отправил Жемчужникову общирное послание, находящееся сейчас в Ленинградском отделении Центрархива, в составе архива Жемчужникова. Надо полагать, что на этом переписка оборвалась; по крайней мере других писем Лонгинова в составе жемчужниковского архива нами обнаружено не было.

3 марта 1863 г. состоялось заседание ОЛРС, но сведений о нем в московских периодических изданиях, повидимому, не появлялось, хотя сам Лонгинов в «Кратком отчете ОЛРС за 1863 г.» указывает, что отчеты Общества за 1863 г. печатались в «Московских Ведомостях» ⁶. Прочитанную на этом заседании речь Лонгинов пожелал напечатать, подверт ее некоторой обработке, но напечатана она не была. По крайней мере, ни в одном списке его трудов (в журнале «Антиквар», 1903, №№ 5 — 6 и в «Библиютеке Д. В. Ульянинского», т. II), ни в его библиютеке, находящейся в ИРЛИ, ее не имеется, несмотря на наличие на рукописи ⁷ лонгиновской пометки: 1) Рукопись возвратить автору, 2) Напечатать для автора 50 отписков.

Можно полагать, что она предназначалась к опубликованию в катковских «Московских Ведомостях», но, вероятно, и для них она оказалась чересчур грубо политически заостренной и неудобной в тот момент, когда требовалась большая тонкость и вуалирование позиций.

Как в «Речи» М. Н. Лонгинова, так и в письме его к А. М. Жемчужникову, развивается несколько основных мыслей, важнейшие из которых сводятся к следующему. «Нестроения» России происходят, с одной стороны, вследствие «либеральной дешевки» бюрократического круга эпохи «реформ», с другой, вследствие деятельности «нигилистов». Это обстоятельство требует объединения всех «живых сил» во имя формулы: «не гнет сверху или снизу, а влияние большинства образованного меньшинства».

Проводя подобный круг идей, Лонгинов в «Речи» как будто смешивает своих противников в одну кучу, в особенности это заметно в хлесткой характеристике состояния русского общества начала 60-х годов, в виде галлереи персонажей из «Горя от ума», «Ревизора» и «Мертвых душ». Полагать, что эти характеристики портретны, едва ли будет справедливо, хотя, например, в лице поручика Пирогова, несомнению, имеется в виду П. Л. Лавров.

Здесь, в резко карикатурной форме, персонифицированы, с точки эрения крепостника, отдельные вопросы литературной и общественной жизни, что и позволяет приурочить некоторые намеки к Чернышевскому, Герцену, Салтыкову и другим деятелям радикально-демократического лагеря.

Необходимо отметить желание Лонгинова сколотить «блок» вокруг популярного в неразночиных кругах И. С. Тургенева, использовав вышедший в 1862 г. роман — «Отцы и дети» в. Если не именно «Речь» Лонгинова, то, во всяком случае, подобные оценки своего романа имел в виду Тургенев, когда писал впоследствии в «Литературных и житейских воспоминаниях», что «получил поздравления, чуть не лобзания от людей противного ему лагеря, от врагов» (Соч., изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1898, т. XII, стр. 23). Однако, можно с уверенностью полагать, что Тургенев знал «Речь» Лонгинова. На это намекает отрывок из письма его к Я. П. Полонскому от 18 декабря 1871 г.: «Лонгинов, автор «Попа...» — сквернейший по всей Руси губернатор, публично лаявший на царя за эманципацию — сделан начальником нашей несчастной прессы!!!—ничего хорошего ожидать нельзя...—Он будет злобствовать со всей эхидностью ренегата» (Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883 гг. — СПБ, 1885, стр. 201).

Если выше было сказано, что Лонгинов как бы смещивал в одну кучу своих противников, то все же главного врага он видел в нигилизме. И это не случайно, конечно.

Не случайно то, что против нигилистов он особенно настойчиво стремится создать коалицию. Еще в 1858 г. он писал Некрасову: «Ты уж знаешь, как прискорбно мне направление Чернышевского» ⁹.

К 1863 г., после петербургских пожаров, после ареста Чернышевского, взгляды прежнего либерала, а по сути крепостника Лонгинова на нигилизм сделались гораздо яснее и нашли свое полное выражение в письме к А. М. Жемчужникову и «Речи» о значении, которое должно иметь ОЛРС в современной литературе.

Но для некоторой части либералов позиция Лонгинова и вообще всего Московского Общества Любителей Российской Словесности была—из тактических соображений—неприемлема: она слишком компрометировала либералов своими призывами к блоку против нигилистов. И поэтому в либеральных «Санкт-Петербургских Ведомостях» появилась нашисанная в довольно резком тоне статья «Слово о последней деятельности Общества Любителей Российской Словесности», подписанная Н. Чельшевский. Под этим псевдонимом скрывался известный филолог А. А. Котляревский 10.

Якобы нападая на ОЛРС, Котляревский укоряет лидеров Общества не за их политическую реажционность, а за «финансовую и литературную бестактность» и за неумеренную претенциозность. Он упрекает председателя Общества — И. С. Аксакова—в том, что тот политическими намеками о «каких-то домашних врагах» запугивает «и без того достаточно запуганную русскую публику». Особенно же достается Лонгинову за его речь «О месте, которое должно занимать ОЛРС в современной литературе».

«Но все сказанное нами бледнеет пред чтением известного нашего библиографа и секретаря Общества, М. Н. Лонгинова. Дело шло о том, чем может и должно «Общество любителей российской словеоности» помочь распущенному, бедственному состоянию нашей современной литературы. Оратор сначала чрезвычайно яркими красками изобразил развращенность современной литературы и журналистики, сделал несколько упреков покойному Белинскому в том, что он был весьма слаб в библиографии, и затем, поблагодарив г. Тургенева за разоблачение так называемых нигилистов, принялся за строгое их обличение. Это были— гром

и молния; Зевс, мечущий перуны, — показался бы слабее в сравнении с нашим сратором: по крайней мере Зевс никогда не вызывал таких отчаянно дружных рукоплесканий. «Нигилисты, эти пустозвонные головы, эти литературные горланы развратили современную журналистику и литературу, молодые умы и общество; необходимо помочь делу, и это должно исполнить «Общество любителей российской словесности»: мы, люди серьезные, станем крепко на стороже, подымем павшую литературу, внушим ей добрые нравы...» и т. д. Таков общий смысл филиппики г. Лонгинова, произведшей самое сильное впечатление на старческую половину посетителей этого публичного собрания; но кто не подчинился обаятельному красноречию оратора, тот, отстранив вопрос о физиологии каких-то нигилистов,---в праве спросить: достаточно ли одного звонкого голоса и громких фраз для убеждения публики в важной роли «Общества любителей российской словесности»? Поправится ли больная литература от той деятельности, какую находим мы в Обществе? Нет, не выходками и библиографией, не политическими грезами, не стишонками исправляется литературное дело, а путем честной, серьезной мысли и науки. Нет, до тех пор, пока в «Обществе любителей российской словесности» будут возможны такие явления, как чтение г. Лонгинова-пусть оставит Общество гордую мысль о своей великой миссии исправлять развращенную литературу и испорченный общественный вкус! Мы не слишком печально смотрим на современную литературу; но если справедливо, что она находится в болезненном состоянии, то этой болезни прежде и более всего причастно «Общество любителей российской словесности»: говорить о порче журналистики и литературы и не чувствовать этой порчи в себе, когда симптомы ее очевидны — это признак полнейшего болезненного расстройства, забытья или беспамятства. Признавать и ценить свои действительные заслуги свойственно каждому человеку и даже полезно, как поддержка энергии и чувства собственного достоинства; но когда кичатся заслугами мнимыми или еще не существующими, когда, не сделав ничего прочного, серьезного,торжественно облекают себя в роль спасителя добрых правов литературы и кричат, что «мы-де люди серьезные и должны стать на-стороже против литературного разврата», тогда такая претензия поистине становится жалка и указывает на крайне болезненное состояние умственных отправлений!

«Люди серьезные!» Но ведь серьезные люди делают и дела серьезные, а чем серьезным может образумить гибнущую литературу «Общество любителей российской словесности», что, кроме нетвердых умственных блужданий и нехитрых выходок, может представить это Общество, как залог серьезного образа мыслей и действий; чем может уничтожить так называемых нигилистов речь г. Лонгинова, когда она в целом составе представляет самый блистательный образец пустозвонного крика, журнальной болтовни без всякого содержания? Уж не нигилист ли и сам г. Лонгинов? Нам приятно допустить эту мысль потому, что в таком случае— нам не пришлось бы упрекнуть г. Лонгинова в одном весьма неприятном качестве, обладая которым люди обыкновенно не только не понимают того, что говорят другие, но даже и того, что они сами говорят...»

В словах Котляревского нельзя не видеть раздражения, даже гнева либерала на чрезмерно откровенного коллегу справа, который своей неосторожной «Речью» может внушить демократической аудитории подозрения против либералов и, раскрыв их подлинное лицо, тем самым помешать предательской деятельности последних

Котляревский был возмущен «Речью» Лонгинова, слышанной им на заседании Общества Любителей Российской Словесности. Можно представить себе «негодование» Котляревского, если бы ему стал известен автокомментарий Лонгинова к этой «Речи»—письмо его к А. М. Жемчужникову, основная мысль которого выражена в конце: «Разумные консерваторы и разумные прогрессисты без труда срединятся и восполнят друг друга».

Но подобные «признания» делались втихомолку; вслух же либералы считали нужным делать оскорбленную мину в направлении крепостников, но это было только «либеральное подкрашивание крепостничества».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. «Сочинения М. Н. Лонгинова». М. 1915, т. I, стр. 566.

² См. его письма к Некрасову в сборниках «Архив села Карабихи». М. 1916. тр. 125—126. и «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома». П.

1922, стр. 234—237.

⁸ В неопубликованном письме от 24 января 1872 г. другой, не менее известный цензурный деятель, Е. М. Феоктистов, один из преемников Лонгинова по возглавлению Главного Управления по делам печати, писал П. В. Анненкову: «Негодяй Лонгинов забыл всякий стыд и совесть; в самые мрачные времена Николая Павловича ни один из цензурных евнухов не доходил до такого крайнего бесстыдства и цинизма. Недавно, к великому несчастью, случилось мне встретиться с ним в одном доме. Произошла ожесточения схватка, при чем на мой вопрос — чего же ему хотелось бы, каков его идеал, —он отвечал мне (привожу его слова буквально): «На первое время достаточно было бы закрыть земские учреждения, восстановить старые суды, как они были, и ввести опять телесные наказания. Это не все, но и с этим можно было бы еще кое-как года два или три дышать...» Такой-то человек поставлен теперь во главе цензуры, и под влиянием его Тимашев постоянно твердит, что он «все еще недостаточно вооружен властью для борьбы с литературой». Е. М. Феоктистов был в это время редактором «Журнала Министерства Народного Просвещения».

4 «Словарь членов ОЛРС при Московском Университете». М. 1911, стр.

109—110.

⁵ В подлиннике выставлено 27 марта, повидимому, ошибочно. Кроме записки Жемчужникову о приезде Тургенева (повидимому, либо январь 1860 г., либо май или август 1861 г., см. «Словарь членов ОЛРС». М. 1911, стр. 290, и М. К. Клеман. «Летопись жизни Тургенева». М. 1934, стр. 110, 124 и 127) и приведенного в тексте письма в архиве Лонгинова не сохранилось никаких других материалов об отношениях его с Жемчужниковым. Вероятно приведенное письмо Жемчужникова, ошибочно датированное, и есть то обстоятельство, которое вызвало ответ Лонгинова. 27 февраля приходилось в среду, пятница—1 марта, чтение 3 марта состоялось в воскресенье. «Частное» заседание, очевидно, 178-е обыкновенное заседание, состоявщееся 16 февраля 1863 г. Впрочем, может быть письмо Лонгинова было стветом на несохранившееся письмо Жемчужникова 1863 г., а приведенное в тексте относится к 1862 г.

6 «Сочинения М. Н. Лонгинова». М. 1915, стр. 570.

7 Рукопись находится в ИРЛИ. Никаких следов пребывания в типографии

на ней нет.

⁸ Идея сделать Тургенева центром «блока» не оставила Лонгинова и после произнесения речи. В приписке к письму В. П. Боткина к Тургеневу (от 6 мюня 1863 г.) Лонгинов писал: «...Очень желали бы мы все, друзья твои, увидеть тебя скорее, но из известий о тебе не видим решительного ответа. В России тебе надобно бы посмотреть на то, что теперь делается. Толчок дан общественному мнению сильный, который обещает много дельного и прямо либерального. Все это есть счастливая реакция против нелепостей, которые овладели было влиянием при минутном господстве всяческого нигилизма, ниспровержению которого ты так много содействовал и даже подал первый сигнал к восстанию против него. Дело его проиграно и теперь легко ожидать торжества разумной свободы и порядка» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869». М. 1930, стр. 178).

⁹ Письмо это опубликовано в сборнике «Некрасов по неизданным материалам

Пушкинского Дома», стр. 236.

10 «СПБ Ведомости», 1863, № 111. Перепеч. в сочинениях А. А. Котляревского. СПБ 1893, т. II, стр. 13—21.

РЕЧЬ О ЗНАЧЕНИИ, КОТОРОЕ ДОЛЖНО ИМЕТЬ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Читанная в публичном заседании Общества 3 марта 1863 г. секретарем его М. Н. Лонгиновым)

Une association politique, industrielle, comerciale, ou même scientifique et littéraire, est un citoyen éclairé et puissant qu'on ne saurait plier à volonté, ni apprimer dans l'ombre et qui, en défendant ses droits particuliers, sauve la liberté commune.

Tocqueville

Вот уже пятый год, как Общество Л. Р. С. открывает свои публичные заседания, которые постоянно возбуждают не только любопытство, но и, смеем сказать, сочувствие публики. Сильные такою опорою в обществе и сознанием, что мы, согласно программе наших собраний, изложенной при самом их начале покойным нашим Председателем А. С. Хомяковым, обходимся честно с всесильным оружием слова, мы не можем и не должны обращать никакого внимания на те выходки злонамеренности и пустозвонства, которые раздаются против нас в многочисленном лагере литературной анархии. Нас преследуют нередко ее враждебные возгласы, старающиеся быть презрительными или колкими. Скажем же: «тем лучше». Значит, противники наши сознают, что еще жива где-нибудь та сила предания литературного и независимости от журнального и всяческого деспотизма, которая составляет характеристическую черту нашей посильной деятельности. Значит не перерыта и не затоплена еще та почва, на которой могут сходиться безобидно, а часто и дружно, владеющие пером, хотя бы и расходясь в своих воззрениях, но сходясь на том, что предметы этих воззрений для них так же общи, как чужды им другие, несовместные с достоинством человеческим предметы, составляющие догматы современного журнального борзописания [и с которыми нужно иметь дело только для того, чтобы по мере возможности протестовать против лжи и мешать распространению ее господства]. Значит не так уже единогласно и всеобщее то судорожно-горячечное движение, которое хотят некоторые выдавать за выражение высшей мудрости и уверить, будто ему сочувствуют все, что и удается им иногда относительно Платонов Михайлычей Горичевых, восклицающих неизменно [в противность своему мнению]: «Ну, все, -- так веришь по неволе».

Было время, памятное нам, бывшим тогда молодым поколением и сделавшимися теперь, по непреложному закону судеб, уже литературными старожилами,—когда литература наша делилась на немного партий или лагерей. Тогда существовали только так называвшиеся Западники и Славянофилы и затем те «филы», которым трудно найти название на литературном языке, и которые имели патенты на известного рода писания [в разных степенях почета «sui generis» и родства были иногда неволею, но чаще волею, афилированы к некоим секретным ареопагам, тайна которых была впрочем тем, что французы называют «секретом комедии» [secret de la comédie]. Если теперь завелись у нас, как уверяют, «красные», то тогда достоверно существовали «голубые». Прекратилась ли ныне последняя порода,— достоверно не знаем и предоставляем решить это судьям, более нас компетентным. Наше дело — литература, а не предметы, принадлежащие к области иных [может быть и влиятельных, но], чуждых нам вполне ведений. Впрочем заметим ми-

And granuin Aurin Mudaulokors, are expolare, me me me offere rumming by Boespecones, no overes nonewers. summer specimic by rows with and morning of humes subscury opingder overes perdy runs mai normymetry es mosoro de notres omeziobendes grammenter to mere naxion receive specyree as bayyypoures reposents cobjeniers were ? Bo was applicant maranes to 24 rara Donn maria of mappee dance melocial more manual or monore, nous co mpayoume naunce uppayere songeenbere in Jepapeur removehuse adurando, u mo be nousy subsafrantas were cyngendermore wimopeeds emperior nounced cineaxis go and bas seis eye speniere spourdemone under commences Demobron ingro yeare weregrecour spenneebrowers, or werfame some w commencements. meridenyrans, na xomopnes suvero ne noenpount. No une enjuliedureboance, xomopar communes by man brocos normalismo uparese, a see no perquibused were sino dopos ingerine upoughour y admines, ne bugalorus unes racoliaro

ПИСЬМО М. Н. ЛОНГИНОВА К А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ. ПЕРВАЯ СТРАНИЦА.

Ленинградское Отделение Центрархива, Ленинград

моходом, что говорят будто два вышеназванные цвета составляют довольно приятную кокарду, которая носится не без успеха, что и доказывает очевидность современного прогресса...

Так * называемое славянофильство не было, как думали, чем-то в роде геометрически-точно построенной системы. Это было-так сказать-гостеприимное и довольно пространное убежище для всякого, кто отчаивался увидеть плодотворные результаты от того одностороннего развития, которое долгое время исключительно господствовало в жизни и в литературе, преимущественно исторической. Всякий, примыкавший к этому кругу [группировавшемуся около людей, имена которых однозначущи с понятиями о благородстве, делающим, несомненно, честь литературе, был волен сохранить и сохранял свои личные воззрения на тот или другой вопрос, стоявший на очереди для разработки, и разделял взгляд других на исторические явления в той степени, которая казалась ему разумною. Он мог даже оставаться безучастным к некоторым предметам, которые не казались ему существенными или достаточно объясненными. Уважение к русской народности и ее проявлениям в до-петровскую эпоху не препятствовали даже некоторым из этого круга свободно относиться к реформе и признавать в разных степенях ее достоинства. Кажется мы не ошибемся, если скажем, что общими, необходимыми основаниями были в этом лагере два тлавных положения. Они были такого рода, что непризнание их за исходную точку было бы уже действительно непреодолимым препятствием для дальнейшего сближения или сродства с кругом людей, о которых мы говорим. Основные начала эти были: 1) признание, что в основу русской исторической жизни легло начало общинное, а не родовое. Этим определялся взгляд на весь дальнейший ход ее внутри страны и 2) горячее сочувствие к прошедшему и настоящему родных нам славянских племен, с намерением закрепить между ними ослабшие узы и по естественному чувству сродства, и в видах общих интересов. Этим выражалось воззрение на истинное значение русской истории в ее внешних отношениях и заявлялась та программа, которой предлежало следовать впредь.

Западники не признавали справедливости таких воззрений [проповедывали начало родовое! и не выражали ни сочувствия, ни уважения к историческим судьбам славянских племен, которых значение бледнело в их глазах перед [ролью] судьбами других народов, успевших почти везде взять политически верх над ними. Проявление русской жизни до 18 века также не дорого ценилось Западниками, которые [поклонялись исключительно европейскому периоду русской истории и] были исключительными поклонниками цивилизации Запада, признавая ее общечеловеческою и в общих основаниях необходимою для всех народов, независимо от национальных особенностей того или другого ІнародаІ. Эта партия, несравненно многочисленнейшая, чем первая, впрочем, казалась единодушною только тогда, когда дело шло о спорах с Славянофилами, или до недовольства современностью, которая во всех отношениях была так враждебна литературе. Поэтому в ней существовали бок-о-бок зачатки всех тенденций самых противоположных, но они еще так мало были выяснены, что ни публика, ни сама пишущая братия не могли рассмотреть, до какой степени несовместимо соединение таких противоречащих элементов и какое чудовищное противоречие они могли принять при дальнейшем своем развитии. Тогда нередко было встретить не только растущих корифеев социализма, сулившего золотые горы в будущем, — в одних рядах с поборниками парламентаризма, но и найти, что в одном и том же человеке уживались уважение например к талантам и мнениям Г. Тьера [если он только был в оппозиции с благоговением к гению и скрижалям закона Г. Луи Блана, которого не шутя называли по секрету Мессией 19 века. Происходило такое смешение понятий отчасти от того, что говорить например и о Тьере

^{*} К этому месту в рукописи есть примечание автора: NB. Место о славянофилах и западниках до знака < не печатать.

и о Блане при условиях отечественной печати было одинаково трудно, а следовательно нельзя было и договориться до полного уяснения истинного возврения своего. Отчасти же причиной такого безразличного увлечения в разные стороны было чувство, которое в другом порядке мыслей при восклицании Хлестакова о ссылке городничего в Сибирь внушило купцу Абдулину ответ: «Да уж куда твоей милости угодно, только бы подальше от нас» *.

При всех странностях и недостатках, тогдашняя литература не лишена была своих достоинств. В ней действовали люди, стоявшие выше того однообразного уровня, который, за малыми исключениями, прошел потом по ней, скосивши почти всё, что составляло ее аристократизм по дарованию и проведя по ней эгалитарную черту посредственности, не оскорбляющей чувства достоинства у литературной черни. Кроме того в то время еще [не вымерли или не смолкли голоса даровитых писателей прошлой эпохи. Они не должны были опасаться встретить имя свое в печати, потому что еще не было поставлено непреложным правилом зашвырять их грязью при такой отваге относительно журнального Демоса, еще не завоевавшего себе претензий на литературное самовластие. Достоинства художественного произведения еще определялись не исключительною меркою того, в какой степени фотографической точности автор изобразит помещицу, таскающую за волосы какуюнибудь Акульку, или станового, берущего полтинник с Парамона, и в какой мере он по этому поводу вознегодует на человечество и примет бремя его грехов и пороков на рамена свои... Искусство, это драгоценное условие развития человека, присущее его природе столько же, сколько религия, нравственное чувство и разум, еще не было унижаемо и не расстроилась еще гармония между элементами, которые составляют венец его существования и называются: истинное, доброе, разумное и прекрасное.

Такова в общих чертах характеристика литературы нашей, какова она была за пятнадцать с небольшим лет тому назад. И вдруг поднялась буря, длившаяся целых восемь [семь] лет. Она переломала то, что хоть немного высилось над плоской поверхностью, которую задеть ей уже было нельзя или не зачем. Этот период литературы проживет в ее истории, как память о неслыханном в летописях письмен фокусе: она не вовсе умерла, даже при условиях, препятствовавших ей например не только читать сатиры Кантемира, бывшего в печати целых 86 лет, но и произносить имя русского посланника Анны и Елизаветы в Лондоне и в Париже. Она не умерла при обстоятельствах, грозивших бедою [разорением и чуть не ссылкою на галеры] за употребление в печати слова «самоусовершенствование», под которым очевидным образом коварно маскировалось другое, именно «прогресс», строго запрещенное, как явно означавшее «революцию»; она не умерла при таком порядке вещей, когда Виссарион Григорьевич Белинский, к счастию своему умерший немного ранее, получал в печати невиданное ни в каком календаре, ни в каких святцах имя «критика Гоголевского периода русской литературы» и под этою фирмою успевал изредка проскользнуть в печать, пользуясь тем, что Аргусы ее зазевались или не пронюхали в чем дело. Если потомство спросит когла-нибудь у истории литературы что она делала в эти невообразимые [семы] восемь лет, то она как нельзя более кстати может повторить ответ Сьеса на вопрос: что делал он во время терроризма: «J'ai vécu».

Наконец декорация переменяется; вместо бури наступает если не ясная погода, то по крайней мере относительная тишина и многие, привыкшие к печальному зрелищу мглы, принимают серенький денек за ясное итальянское угро.

Я полагаю, что нет налобности распространяться об общественном движении, начавшемся и совершающемся на наших глазах с недавнего времени. Отрицать его никто не в состоянии. Подвергать сомнению пользу и величие идей Іидеи преобразования, начавших получать жизнь и осуществление, конечно,

^{*} Здесь находится в рукописи знак >, упомянутый в примечании на стр. 744.

не придет в голову никому в виду примеров, каковы освобождение крестьян, уничтожение откупов, или попыток провести судебную реформу, свободу печати и пр. и пр. Здесь не место говорить, на сколько и чем именно искажаются нередко [или портятся] такие благие начинания. Но мы столько хвалили себя, что не худо поговорить и о том, чем хвалиться нечем. Одна из главных причин таких не отрадных явлений была откровенно высказана в нашей аудитории почтенным сочленом нашим И. С. Аксаковым, указавшим на нее, как относящуюся ближе всего к кругу и предмету действий литературного общества. Причина эта — ложное понимание гласности, обусловливаемое теми бестюлезными и даже зловредными препятствиями, которые ставят преграду доброму, когда оно не снабжено патентованным клеймом направления исключительно признанного на ту минуту истинным и вместе с тем бессильным против зла. Зло всегда умеет найти извития для своего выражения, приобретает, таким образом, всю прелесть таинственности и не договаривает своих последних результатов, которые были бы Ів противном случае] покрыты посмеянием и позором. Очевидно, что нам надо итти далее по этому пути, так же, как и по всем прочим путям свободно-разумного развития и искать в достижении совокупности неразрывных между собою условий его — лекарство от недугов прошедшего и настоящего. Между тем мы прикованы к одному месту, окружены заколдованным кругом, который всякий день делается слишком тесным. Выходу нет, и мы повторяем зады, пережевываем все одно и то же, что за три и за четыре года, следовательно по большей части болтаем, а не говорим. Кто же не знает, что болтать, когда надо говорить [и делать], значит опошлиться, и надо признаться, что в пошлости мы преуспеваем всесовершенно Іза неимением другого. Нам грозит беда; привычки въедаются скоро в природу человеческую. Пример недалек. Литература и общество долго привыкли молчать всепочтительнейше, так что едва сумели развязать язык, когда пришла для того возможность. Сумеют ли они говорит дело, когда волей-неволей придет надобность отвыкнуть от болтовни, к которой они приучились с того времени.

Чтобы нагляднее убедиться, до какой степени для людей мыслящих и просвещенных недостаточна та область исследования, рассуждения и деятельности, которая отведена им [была] событиями и на первых порах пожалуй была и достаточна, стоит только взглянуть на то, кто уже не только помирился, но уже освоился в той области, казавшейся ему недавно столь страшною, и уже хозяйничает в ней, благодаря многочисленности в ней своей братии. Скажите после этого: место ли вам пребывать в этой области? Вэгляните — и вы узнаете в ней всех старых знакомых, только с новыми замашками и с об шитнейшими средствами проявлять свою ничтожность и мерзость, с флазеологией, которая делает их отвоатительнее прежнего и дает им средство обманывать и делать вред. Иван Александрович Хлестаков уже состоит в ранге гражданского генерала, заседает в Петербурге в разных комитетах по улучшению той или поугой части и если едет в Саратовскую губернию, то уже лействительно в Иохимовской карете и уже не в деревню к тятеньке со страхом, что тот засытит ему кое-что, а с довлеющей важностью, в качестве настоящего ревизора, для того, чтобы двинуть вперед в отсталой провичити какой-нибудь бюлократически-либеральный вопрос. Корреспондент его Тоятичкин үже не «клитикан», выхваляющий овошные лавки, где ему верят в лолг, а Ювенал, бичующий пороки. Тапит, карающий произвол [и ретроградов], готовый в своем фельетоне преобразиться в Гракха и потребовать завтра же аграрных законов. Чичиков, заложив мертвые души, благопомобрел живые, обобрал у них землю и проповедует о необходимости пожертвований, о свободе торговли, о вреде монополий. Загорецкий редижирует в официозном органе гласности отделом иностранной политики. Поручик Пирогов, пользуясь службой своей по ученому оружию (arme savante), преподавал нижним чинам элементарные понятия системы Бюхнера, сообщенные ему Поприщиным, который выпущен по ощибке физиката из сумасшедшего

КАРИКАТУРА НА М. Н. КАТКОВА И М. Н. ЛОНГИНОВА ИЗ «ИСКРЫ»

дома и покинув мечты об Испанском престоле, пишет [в журналах] статьи о философии. Земляника облекает свои доносы на Шпекина и Ляпкина-Тяпкина в литературную форму, печает их в газетах и уже искушается на поприще повествовательно-обличительном. Ноздрев служит по мировым учреждениям. Друг его, поручик Кувшинников, занимается уже не исключительно бурдашкой и клубничкой, а зачислился по особым поручениям, меряет вдоль и поперек Россию и говорит затрапезные спичи во всех городах и даже на станциях, прославляя прогресс и истого его представителя: Его Высокопревосходительство NN, доблестного своего начальника. Держиморда напечатал оправдание свое на взведенное на него купцом Черняевым обвинение в присвоении штуки сукна и высказал при том мысли свои о святости долга и высоком призвании полиции. Перхуновский и Беребендовский-уже не танцуют галопада, а примкнули к «партии движения» и толкуют о понижении оброка, или о правах национальностей и о замыслах Гарибальди. Полковник Скалозуб объехал уже давно большую часть Европы, представлялся в Тюльерийском дворце Наполеону и был на поклоне в Путнее, вместе с Репетиловым, который ездил в [Лондон, Англию] чужие края, чтобы изучать вольнонаемный труд. Даже прекрасный пол не отстал от других в этом истинно-отрадном движении: осиротевшая Марья Антоновна Сквозник-Дмухановская переселилась в Петербург, остригла в кружок волосы, принеся свою русую косу в жертву на алтарь отечественного прогресса, посещала лекции акушерского искусства [анатомии] и, взобравшись однажды на стол [кричала] с прочими, тоненьким голоском вывизгивала проклятия реакции и благословения прогрессу.

Взгляните в то, что окружает вас, что подобно «взбаламученному морю» грязи поднялось на ту относительную высоту, на которой вы стояли. Всмотритесь в эту бесчисленную толпу безобразных лиц и вы узнаете знакомых, с которыми вы еще недавно почли бы за стыд иметь что-либо общее. Согласитесь, что эта относительная высота, дальше которой вам положен предел, «его же не прейдеши», недостаточна, если на нее способны подняться герои «Ревизора», «Горя от ума» и «Мертвых душ». Вы невольно пожелаете другой сферы, в которой не могли бы они дышать также легко, как честный и даровитый человек; не могли бы, поднимая шум и там, или заглушать его речь, или постоянно давать повод смешивать ее с своими бесстыдными криками. А вы по неволе можете только говорить то, что перешло, благодаря им, в область пошлости. Мало еще того, что многие отрезвились, увидели всю ложь этих криков о прогрессе, всех этих восхищений всем, что у нас делается, а чаще только обещается или портится. Недостаточно того, что слышатся уже изредка сюрпризом прорывающиеся голоса, нарушающие безмятежное самодовольство бюрократического мира известиями, что несмотря на благодеяния его такая-то промышленность уничтожилась вовсе, такие-то заводчики, фабриканты и капиталисты обанкрутились, в такой-то губернии идет партизанская война между сословиями, Гтакой-то край в конец разорен и пр.]. Если вы решитесь на это, громадное большинство говорящих, увеличенное до нельзя героями Грибоедова и Гоголя [которые теперь тоже громко заговорили], завопит, что это замысел против прогресса, что реакция грозит отечеству, а Кувшинников в застольном спиче возглаголет, что небольшое облачко на лазурном небе не доказывает ничего и только рельефнее оттеняет блеск всеоживотворившего солнца [Всему этому сброду] [многим повыше его конечно]. Притом же многим так приятно [ловить рыбу в мутной воде] в полудремоте сладострастно прислушиваться к тому, как уцелевшие ло-СКУТКИ НЕКОТОРЫХ ВПРОЧЕМ ИСТЕРЗАННЫХ НОЖНИЦАМИ ЦЕНЗУРЫ ИНОСТРАННЫХ газет приносят сооттичам радостные известия о том, что у них сделан еще один шаг к свободе и к общественному преуспению... посредством например нового применения теории перестановлений, примененной к доморощенному квартету Крылова.

Да, сознаемся откровенно, что общество наше находится в состоянии полнейшего брожения. Оно доходит до состояния хаоса, где лучшие элементы побораются грязью и нечистотою, так долго пребывавшими в покое на самом дне и приведенными в движение событиями, при совершении которых многие не придали возможности такого явления, а многие и рассчитывали на него [них], видя в том надежду выплыть самим наверх. Им удалось. Они действуют, пользуясь расстройством и паникою, которые овладели здоровыми элементами общества. Вместе с этими Хлестаковыми, Чичиковыми и Загорецкими, ухватившимися за первую возможность продолжать свое зловредное или бесплодное существование в новой шкуре [торжествующую], бурливо торжествующую партию составляют некоторые честные, но слабые и озадаченные люди, которые увлеклись по неосторожности слишком далеко и теперь совестятся признаться как в своей ошибке, так и в несбывшихся надеждах. Они по неволе несут за то ответственность и [ужасную] кару в том, что незнающие их близко [к чему никто и не обязан] не различают их от пошляков и людей злонамеренных, примыкающих [тоже к той же] обширной категории, именуемой безразлично смешным уже для многих именем «партии движения», т. е. движения куда бы то ни было и во что бы то ни стало.

Мы имеем право говорить о злонамеренности, когда взглянем на то, что у нас делается под самым носом, пока не трянет гром и сами наши легкомысленные лже-прогрессисты [которые имеют в руках силу и власть, не] струсят, увидя с кем они были в союзе, поощряя их действия, льстя их дет-

скому честолюбию и раздразнивая их дикие инстинкты [апетиты] и поползновения. К чему говорить о прошедшем?.. Довольно настоящего. Не на днях ли была Москва огорчена и оскорблена гнуснейшими прокламациями, которых существованию не поверили бы ни в какой стране мира? Пусть наши аисты [опекуны] тщатся заставить нас прятать с ними голову, в нелепой надежде скрыть от страны очевидный признак опасности и в благом намерении не возмущать официозных некоих сорок, повторяющих без прекословия [казенную стереотипную репортичку: «все благополучно». Пусть заставляют молчать честных людей, когда не имеют силы заставить законным путем молчать голос злодейства и защитить страну от волнующих ее опасений. Пусть оторопелые, взятые в расплох легкомысленные партизаны всякого движения стараются доказать, что это частные случаи, что тут нет [они не имеют] ничего общего с происшествиями, которые мы видим и дома, и по соседству. Мы знаем, что опасность есть, что корни зла пущены глубоко, что врагов много и что защититься от них можно только [давши] торжество общественного [ому] здравого [му] смысла [у], доставлением возможности действовать не одним ржавым колесам стародавней [везде брошенной] машины, починиваемой крепостными кузнецами, а живым представителям истинных и незыблемых интересов государства. В них лучший и единственный оплот против покушений на нашу честь, и благосостояние со стороны проповедников революции и измены [царю (?) и] отечеству.

Печальное состояние нашего общества, признак разложения его и необходимости сплотиться теснее между собою незараженным частям его организма, видны уже в том, что тяготевший над ним гнет произвел необходимый результат, который так любезен анархической агитации, хотя был установлен в свое время для совсем иных целей. Общество наше как бы обезглавлено. Куда ни посмотри, по всему прошел уровень посредственности, какой-то пошлости. Нет ни великих примеров, ни людей, которые могли бы служить знаменем, чтоб собрать около себя рать и воодушевить ее на дело, которое заменилось или фразою, или делопроизводством. Не заходя слишком далеко назад, посмотрим на недавно еще прошедшее, оглянемся вокруг себя и спросим: где Кутузов, Багратион [Барклай], Витгенштейн, Раевский, Тормосов, Милорадович, Коновницын, Остерман, Ермолов, знамени которых учат изменять русское войско? Где Мордвинов, Трощинский, Сперанский, Каподистрия [Кочубей], Шишков, Васильчиков, Канкрин, Дашков, Уваров, Друцкий-Любецкий, эти светлые умы, которых [мы] не заменим сотнями комитетов и легионами действительных тайных и других советников? Их нет. Их нет. А мы еще смеем хвалиться и поносить отцов.

Большая часть присутствующих помнить, кто еще недавно давал тон московскому обществу, кто был на виду в кругу людей, заинтересованных успехами цивилизации, литературы? Чаадаев, А. И. Тургенев, Хомяков, Киреевский, Грановский, С. Т. Аксаков. Все они отошли от нас и никто не мог и подумать о том, чтобы занять их место. А если и выкажется человек. который способен хоть сколько-нибудь сделаться центром небольшого кружка, но осмелится заговорить не в тоне, заданном самовластием новых деспотов — его осыпят клеветами и ругательствами, прославят агентом тайной полиции и зашумят, и загремят на весь мир те некоторые, которые хотят уверить, что они все. А все молчат по неволе, лишенные соединяющих звеньев, развлеченные беспокойством о будущности своей и своих семейств, занятые заботами о насущных своих интересах, поколебленных до основания не имея никаких средств даже заявить свои нужды, не только что принять участия в обсуждении и принятии мер для защиты этих нужд, преданных на терзание непрошенным благодетелям Іверящим лишь или своей канцелярской мудрости, или, на сколько им то понравится, журнальным воплям и болтовне].

Естественно, тут остается только одно средство: теснее соединиться между собою людям честным и независимым и общими усилиями давать отпор наглому невежеству и нечестивому злорадству, которых союз опасен только потому, что за ним остается ложная маска либерализма; что ему потворствуют и с ним кокетничают те, которые боятся его; входя с ним в сделки, употребляя по временам в свою пользу, те, которые или равнодушны ко злу и добру, лишь бы подольше их место было свято, или наконец по близорукости не понимают, куда ведет их общение с умственной, моральной и всяческой анархией. Вот армия, против которой должно сражаться ежечасно, ежеминутно и против которой должны стать все вы, честные и истинно просвещенные люди, завоевывая этим путем право иметь вес в делах страны и оградить общество от дерзких посягательств на безопасность, собственность и честь всех и каждого.

Литература не могла не отразить в себе безотрадных явлений, характеризующих оощество, особенно в такое время, когда в области ее чуть ли не самое общирное место заняли вопросы общественные, не исключая и самых мелких. Она также обезглавлена. Лучшие люди ее не группируются, как бывало, около писателей, каковы были Карамзин, Жуковский, Пушкин. Бог не дает нам таких талантов, соединенных с такими характерами. Между тем и тут тот же гнет произвел те же результаты. По окончании периода гонений на литературу оказалось, что подземная работа успела во время бури делать свое дело и в данную минуту, в общем наплыве всей дряни, вывороченной из возмущенной тины и грязи, на первом плане появилась грязь литературная. Все понятия перепутались; все прежние партии смешались, и трудно стало отличать голос убеждения от воплей лжи и насилия, извлекать истину из-под хитросплетенных покровов обмана. Взятые в расплох, разъединенные честные литературные органы были затоплены потоком выпущенных на свет полузамаскированных нелепых и преступных теорий. Провозвестники их, пользуясь поднятым ими же шумом, недоумением ошеломленного общества и разными беззаконными стачками с ними тех, которые должны были первые дать им отпор, выдали себя за представителей общественного мнения, захватили в руки монополию на воспитание общества и народа, завладели ключами почти всех позиций, командующих обширною областью общественной безопасности и благоустройства. Давно начатая пропаганда была легка: она учила только не терпеть ничего, возвышающегося над плоским демократическим уровнем в какой бы то ни было сфере, гнать художественное во имя социального, отвергнуть все предания, презреть прежнюю якобы аристократическую науку, отказаться от религии и воспитать себя на немногих иностранных брошюрках и журнальных статьях изделия наших мудрецов. Успех их был несомненен, особенно когда обращались к тому «молодому поколению», которому льстят, воспевая гимны «мальчишкам», прославляемым ими за то, что им 17 лет, а потому они уже приобрели опытность, которой не могли иметь 25-летние, родившиеся пораньше. Как не приобрести адептов, когда проповедуещь, что не надо ни учиться, ни размышлять, ни энать нравственного долга! Ополчение готово, строится под начальством новых пророков и клянется ниспровергнуть лжереакционерную партию, т. е. партию здравого смысла и нравственного порядка во имя партии лже-прогресса, т. е. безумия и нравственной анархии. Оно единодушно в своем главном стремлении и воины его ссорятся между собою только когда дело доходит до какой-нибудь поживы, а не из идеи или принципа. Они у них всех одни и те же. Укажите: чем разнятся взгляды журнала Х. от газеты У.? А они грызутся пока не дойдет до общего дела. Действия этого ополчения в этом отношении известны... Они дошли до той границы, увидя которую многие образумились. Естественное и законное чадо прошедшего — внутренняя болезнь, которою тяготился общественный организм, не умея дать себе точного отчета в ее сущности, вышла наружу и получила свое название: нитилизм.

Здесь в заседании единственного в России литературного Общества, обя-

заны мы, М. М. Г. Г., сказать доброе слово о сочлене нашем и писателе, любезном всем друзьям литературы, дорогом всей России, отличающемся, как превосходным своим талантом, так и высоким благородством своего характера. Вы уже назвали И. С. Тургенева. Его последний роман — самое яркое явление в литературе прошедшего тода. Он исследовал и назвал разъедающий нас недуг, он художественно выставил на общий позор пустоту и вред лжеучения, проникающего и отравляющего все отрасли человеческого знания, все отправления нравственной природы человека. Разъяренные разоблачением своим лже-пророки, кичащиеся однако публично именами «свистунов» и «мальчишек», готовы погубить Тургенева, не разбирая средств. Он прежде прославляемый ими, котда именем ето думали заманить новых адептов, а главное — новых подписчиков, узнает, что «близ Капитолия — Тарпейская скала». Но не свергнуть его с этой скалы бессильной элобе невежества! За ним — честный подвиг пражданина и писателя. Напасть на принцип болезни — уже шаг к ее исцелению. Благодаря Тургеневу все узнали в лицо своего врага и назвали его по имени: это «нигилизм», т. е. анархия, не только философская, или религиозная, но и литературная и всякая другая, потому что все стороны даже неправильного развития человеческой деятельности связаны между собою неразрывными узами.

При таком состоянии литературы немудрено, что Общество Л. Р. С. делается предметом нападок и брани со стороны агитаторов и несметной литературной черни. Мы стоим в разрез со всеми ее инстинктами и со всеми правилами ее кодекса. Мы чтим историю, любим искусство, служим науке, уважаем свободу, признаем святость нравственного долга, не проповедуем бесплодного и жалкого отрицания. Мы все-таки составляем организованный центр, к которому может примкнуть всякий, кто не захочет, чтоб его унесли бог весть куда безразличные волны грязного потока, которого господство так желательно для стремящихся ловить рыбу в его мутной воде. Они чувствуют, что всякая благоустроенная корпорация — преграда для их цели. Цель эта затопить волнами всяческой анархии все, что не хочет признавать их гибельного главенства, и водворить над необозримо раскинувшейся равниной безличных и тупых масс свою гнусную тиранию, хоть на время, пока новое бессмысленное колебание этих масс низвергнет их, чтобы заменить их новыми эфемерными деспотами.

И так нашему Обществу необходимо дружное соединение всех его членов для того, чтобы не сдавать без боя крепкой, пока мы не разрознены, позиции нашей в области литературы. Вот наше место в ней. Сохраним, М. М. Г. Г., ту связь, которою мы были сильны до сих пор, несмотря на все невзгоды и препятствия. Если литература расширила границы своего ведения, обсуждает новые для нее предметы и проповедует всяческую ложь, начиная с безсмысленного восхищения всем, что происходит, кончая пропагандою в гользу разрушения всех основ гражданского общества и для унижения человека на степень животного, расширим же и мы область наших чтений, чтобы защищать правду и ниспровергать ложь. В этой аудитории может раздаться независимый голос всякого, кто столько же чужд холопским восторгам перед благосклонным золочением подаваемых ему горьких пилюль, сколько гнушается пустолобым материализмом и грошовою демократиею, этим ненавистнейшим из всех родов деспотизма. Мы знаем, что в среде нашей в чести: нравственное достоинство человека, знания, закон, порядок, а следовательно и истинная свобода!

Михаил Лонгинов

Москва 26 февраля 1863 г.

[ПИСЬМО М. Н. ЛОНГИНОВА А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ]

Любезнейший Алексей Михайлович, очень сожалею, что ты не будешь читать в воскресенье, но очень понимаю, что ты отказываешься принимать участие в чем-либо, что противоречит твоему убеждению. Я очень рад, что ты поступил со мною с полною откровенностью, как подобает между старинными приятелями и считаю долгом высказать тебе также открыто мой ответ на твои сомнения.

Ты спрашиваешь, во имя каких начал нашей положительной жизни я вооружаюсь против современности? Во имя образованных людей, без всякого различия каст, людей, для которых ничего не делается, которым не прибавлено ни на унцию прав, между тем как грубым массам в 24 часа даны такие общественные права, которые далеко превосходят наши с тобою, при чем легко может произойти полное извращение общественной иерархии, без которой немыслимо общество, и это — в пользу невежества и дикости. Во имя существенных интересов страны, поколебленных до основания из желания прославиться либеральностью — дешевкою и угодить интересам фиктивным, а может быть и сентиментальным тенденциям, на которых ничего не построишь. Во имя справедливости, которая состоит в том, чтобы покривленные весы поставить прямо, и не перекривить их наоборот и отнимая гнусный произвол у одних, не выдавать их головой произволу, полному и безграничному, маленьким проконсулам, за их же добро, отданное в чужое распоряжение деспотиков, поддерживаемых толпою, которой дикие инстинкты раздразнены данным примером и убеждением в безнаказанности. Во имя свободы, которой мы никогда не добьемся, если вкоренится на верху уверенность, что масса затопила интеллигенцию, везде существующую в меньшинстве, а не в ней; потому что масса не знает иной свободы, как той, которая состоит в рубке чужого леса, потравах и тому подобного без взыскания за это.-Такие стремления и деяния на верху неопасны и все мероприятия доказывают, что того только и добиваются, чтобы произошло такое затопление. Тогда — прощай свобода: наступило царство демократии под диктатурой, которая мечтает опереться на нее. Но опираются только на то, что может дать отпэр, на разумную силу. Иначе при первом толчке улетит и диктатура и является анархия — торжество нигилизма.

Ты спрашиваешь: какой мой идеал? Конституционная монархия, где все равны, как граждане, но политическое значение считается не прирожденным правом, как двигать или двигаться, а принадлежностью части народа, умеющей рассуждать и заинтересованной в решении государственных вопросов, стоящих выше помыслов о насущном хлебе для своей избы. Путь для достижения этого права политического да будет открыт всякому, кто захочет и сумеет приобрести необходимые для того условия. Кто же не достигнет его, да получит права для участия в ограниченных распорядках околотка. Спрашивают: где же то, что называют дворянством в обширном значении слова, т. е. тот класс, к которому тяготеет всякий выделявшийся доселе из масс. Говорят, оно плохо. Согласен. Но кто же лучше? Конечно ни правительство при нынешних его основаниях, ни духовенство, ни городские сословия, ни крестьянство. Если воображают, что последнее, освободившись от крепостного права, так созрело в один день, что из вещи, какою оно было по закону, ему можно дать общирные общинные и гражданские права; если ждут от него, что оно натворит чудеса в короткое время после освобождения, несмотря на то, что государственные крестьяне доказывают, что не ушли они вперед в благосостоянии и развитии; если все это допущено, то как не допустить мысли, что класс, все-таки подготовленный воспитанием более других. все-таки бывший более независимым, не приобретет в более ближайший срок политического смысла в делах, которые очевидно при прежних порядках итти не могут. Если нельзя надеяться на него, то все пропало и возможно разве, как говорится «мужицкое царство», которое скоро покорят кочевые бащки-

ры или киргизы, а до тех пор жить в нем — едва ли ты согласишься. Странное дело! В крестьянском вопросе заговорили об истории, между тем как оно исторически не существовало, а живет себе после официального закрепления в XVII веке так же плохо, как жило при господстве неофициального закабаления, которое конечно существовало у нас в принципе на всех ступенях общественной лестницы по крайней мере со времени ига татарского. Между тем тут же презрели историческое существование дворянства, отрицая права полной собственности его на владеемую им землю; а оно жило исторически все таки 150 лет, открытое для всякого достоинства, что и доказывается историей, законодательством и пр. и пр. Неужели же оно, потерявши крепостных, не способно сделаться лучшим и скорее, чем освобожденные крестьяне? Неужели же возгласы о народе и модные выходки на дворян не фразы и не ложь? — Ты спрашиваешь: где я нашел аристократический элемент, во имя которого я ратую? Тут очевидное недоразумение. Конечно я так же мало, как и ты, думаю о титлах, родословных, грамотах и т. п. (исключая интереса их для моих исторических и библиографических занятий). Я признаю элемент консервативный, без которого нет свободы, нет основы ни для чего при каких бы то ни было преобразованиях. Я уважаю аристократию цивилизации, против которой восстало ополчение во имя нелепых утопий. Я не хочу аристократии в первом смысле, но демократии уже решительно ни в каком, потому что она — или грубый деспотизм масс, или гнусная тирания диктатуры. Вздохи или слезы по «незабвенном» мне так же противны, как восторги перед добродетелями «мужичков, доброго народа» и возгласы о «меньшей братии» в газетах. И то и другое лесть грубой силе или плутовской расчет или заблуждение, или сентиментальность, но во всяком случае не трезвая истина, которой все будто бы желают.

Ты также ошибаешься в словах своих о намерении моем задеть деятелей, стоявших за понижение оброков. Я вскользь употребил это слово, которое первое мне попалось и легко могло бы вылиться тут что-нибудь другое. Но и ты, по моему мнению, неправ, защищая людей, которые понимали отмену крепости серьезно в том отношении, что смотрели на положение 19 февраля с точки зрения, может быть очень искренней, но личной и предсзятой, тут значит своего же рода подъячество или приемы его.

Ты сам осудил их: они вносили личный произвол в применении закона; следовательно они деспоты и я никогда не назову их либералами за то, что они натягивают закон в одну сторону в ущерб другой, ради того, что они поддерживают притязания спущенной на волю толпы против все-таки лучшего меньшинства, разоренного по большей части регламентациями Положения и без усердного их содействия. Тут середины нет: или надо хоть сколько-нибудь вознаградить пострадавших и остановить дальнейшее развитие принципов социализма, вошедших в Положение (если это только можно), или просто объявить, что помещик не имеет прав на то, что даровал ему закон, т. е. вступить прямо на революционный путь. А эти деятели идут к нему под маской и косвенными дорогами, возбуждая в щедро и без того награжденных на счет одного класса крестьянах новые надежды, уверенность в том, что все их притязания не без основания, убеждают их в безна-казанности, поощряют их продолжать нарушать права собственности и т. д.

Делу дан фальшивый тон. Нарушение прав собственности сначала уже выставлено не как мера государственной безопасности, при чем крестьянам не было бы дано права браковать дарового коня и говорили бы с ними не миндальничая, что только вредно, когда делают дело. Его хотели выставить историческим долгом и идя от такой точки отправления не стало границ сполиации, ибо на всякий незаграбленный лоскут земли стали указывать собственнику, как на знак снисхождения и милости. Деятели по крестьянскому делу! Магия этих слов начинает разрушаться перед фактами и не уйдут от близкого суда не только исполнители, но и законодатели его. Редеет чи-

сло тех, которые за этим великим принципом освобождения не хотят видеть не менее великих дел, которых власть бежит как чорт от ладана, и без которых эманципация одних только сильнее кабалит других, лучших чем освобожденные и более важных для величия и благосостояния родины. Начинают уже видеть, что ее задумали лечить от одного недуга и для этого привили ей другой, не менее страшный, т. е. вместо крепостного права, к счастью уничтоженного, тут же заронили семена социализма, которые надо, необходимо заглушить вначале всеми силами (если только можно, повторяю). Второй может быть гораздо хуже первого: от первого можно излечиться, а от последнего никогда. Общее расстройство государственного организма уже смущает всех, кроме неисцелимых... Ты видишь, как я откровенен с тобою: я говорю тебе искреннее мое убеждение по вопросу, которого и не коснулся в статье моей, а который тебе только показался затронутым в ней. Ты замечаещь в обществе признаки сочувствия к разным мерзостям, процветавшим в нем при крепостном праве. Как быть? Но главный предмет твоих опасений вне опасности: крепостного права ведь не воротить никому. Редакционные комиссии и прочие учреждения были не только органами освобождения крестьян, но жестокою реакциею против крепости, как бы имевшею призвание, не разбирая ничего, мстить всем помещикам за порядок, установленный не ими, даже не их предками, а всею историею, и в котором виноваты все, не исключая крестьян, которые приняли официальное закрепление. Теперь и эти учреждения начинают испытывать реакцию, вызванную их несправедливостью. Нет сомнения, что к этому справедливому возмездию присоединяются нечистые помыслы. Отделим же их от того, что в этой реакции есть истинного и законного, как отделяем в деле освобождения все, что в нем есть несправедливого и вредного. Будем одинаково бороться с ложью и злом, заключающимися в поползновениях ретроградов и в стремлениях прогрессистов, ибо у них и того и другого не менее, только в другом роде. Верь, что неисправимый крепостник не хуже отчаянного социалиста. Разумные консерваторы и разумные прогрессисты без труда соединятся и восполнят друг друга. Тогда легко будет воспротивиться грозящей нам будущности. Она состоит в том, что цивилизованные классы пригнут разорением и притеснением, дадут массам жить беззаботно на счет чужого труда и достояния, которых давить поручат проконсулам и над всем этим водрузят олицетворение одной огромной палки, окруженной преторианцами.

Не такова будущность, которой я желаю. Моя формула в делах правительства — не гнет сверху или снизу, а влияние «большинства образованного меньшинства». Это путь истинно либеральный. Когда изберут его, тогда будет свобода, и для непризнающих его, выражать свои мнения. Но если возьмут верх последние, то наложат цепи на своих противников.

Вот, любезный друг, мои откровенные признания. Душевно радуюсь, что имел случай высказать их, на что готов и вперед, если ты захочешь продолжать нашу внезапно возникшую переписку. Верь, что я высоко ценю тебя и что уважение мое к тебе не уступает в силе той приязни, которая много лет привязывает меня к тебе.

М. Лонгинов

Москва

1-2 марта 1863 года.